

Szymon Mich

Obraz Konigsberga w kulturze rosyjskiej na podstawie relacji wybranych autorów (w XVIII–XIX wieku)

Meritum 3, 113-127

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ОБРАЗ КЕНИГСБЕРГА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ НА ОСНОВЕ ВОСПОМИНАНИЙ ВЫБРАННЫХ АВТОРОВ (XVIII–XIX ВЕКА)

Попавшая под советскую власть часть Восточной Пруссии сначала являлась трофейной территорией. Военные власти даже не думали о восстановлении края, пытаясь взять как можно больше. Вглубь России отправлялись целые заводы, военные администраторы жили в немецких домах, их жены ходили к немецким портнихам и модисткам, в сельском хозяйстве работали немецкие военнопленные. Все ожидали передачи Кенигсберга немцам¹.

Со временем оказалось, что новый край останется при Советском Союзе. Вместо военных комендатур появилась гражданская власть. Началось восстановление промышленности и сельского хозяйства. В Кенигсберге чистили улицы, сносили развалины, строили новые здания. Очень медленно начиналась «нормальная жизнь».

Для нас самое интересное, что люди, заселявшие присоединенный край, столкнулись с элементами чужой для них, западной материальной культуры. Возникает вопрос: насколько чужой? Ведь Кенигсберг являлся для русских одним из самых важных заграничных городов. Прежде всего из-за близости. Здесь проходил путь в другие европейские города, и часто здесь впервые возникала возможность восприятия совсем другого мира – Запада.

Исследование истории Калининградского края до 1945 г. началось относительно недавно. Раньше преобладал взгляд, что не стоит заниматься «прусской» историей области. В сегодняшние дни исследователи из Балтийского федерального университета им. И. Канта активно изучают историю своего края, печатают статьи и издавая исторические источники.

¹ Por.: J. Kostiaszow, *Stalinowski plan odbudowy Obwodu Kaliningradzkiego*, Regiony i pogranicza, 2008, nr 1, s. 127–140.

Благодаря их архивным поискам стало возможно познакомиться с большим числом напечатанных ранее текстов, касающихся связей России с Кенигсбергом². Пользуясь этими и другими текстами, мы попытались представить общий образ Кенигсберга в русской культуре в XVIII–XIX веках.

Цель статьи – показать общее отношение к Кенигсбергу (и в определенном смысле к загранице вообще), которые совокупились в русской культуре до конца XIX века. Статья имеет сугубо эскизный характер.

Мы подобрали примеры воспоминаний разных лиц, пребывавших в Кенигсберге в разные времена. Анализ этих текстов позволяет описать не только отношение к самому городу, но тоже, в определенной степени, к «загранице» в целом. Мы пользовались текстами собранными калининградскими исследователями и перепечатанными в сборнике «Россияне в Восточной Пруссии» под редакцией Ю. Костяшова³.

Усиленные связи России с Кенигсбергом начались с времен Петра I, при котором, кроме политических соотношений появились и культурные. 25 января 1716 г. Петр I подписал Именной указ «О посылке в Кенигсберг молодых подьячих для научения немецкому языку»⁴. Первые русские студенты столкнулись с рядом препятствий и далеко не всегда получали желаемое Петром образование. Несмотря на это, Кенигсберг стал важным местом для зарождавшейся Петербургской Академии наук, так как четыре из первых тринадцати академиков приехали в Россию именно из этого города⁵. Кроме того, четверо из пяти первых президентов Академии обучались в Альбертине⁶. Среди самых выдающихся сотрудников и президентов Академии, связанных с Кенигсбергом, можно назвать Христиана Гольдбаха, Готлиба Байера, Иоганна Альбрехта Корфа, Кирилла Григорьевича Разумовского.

Масштабные контакты русских с ближайшей прусской «заграницей» возникли только во второй половине XVIII века. Не удивляет, что семилетняя война вызвала большой интерес к Кенигсбергу и всей Восточной Пруссии. Сохранилось несколько солдатских мемуаров тех времен, но

² *Россияне в Восточной Пруссии. Дневники, письма, записки, воспоминания*, ред. Ю. Костяшов, Калининград 2001.

³ *Ibidem*.

⁴ Ю.В. Костяшов, Г.В. Кретинин, *Петровское начало. Кенигсберский университет и российское просвещение в XVIII веке*, Калининград 1999, с. 30.

⁵ *Ibidem*, с. 47.

⁶ *Ibidem*, с. 54.

они содержат прежде всего описание природы занятого края. Более интересными представляются воспоминания тех, которые в тот период оказались в Кенигсберге в качестве должностных лиц. Можно полагать, что представление русских о Пруссии говорит нам не только о занятом крае, но, в первую очередь, о самих победителях⁷.

После военных сражений надо было принять какие-то решения об управлении занятыми землями. 31 XII 1757 г. Елизавета выдала указ о присоединении Королевства в Пруссии к ее государству⁸. Назначен товарищем губернатора Петр Петрович Яковлев составил для власти описание Пруссии под названием «Сведения о Прусской провинции»⁹. Этот документ отражает холодный взгляд должностного лица, которое с неким удивлением опровергает стереотипы. Прежде всего, оказалось, что прусская земля является довольно плодородной. У русских все время преобладало мнение о плохих условиях для сельскохозяйственной деятельности в Пруссии. А вот оказалось, что «живность здесь весьма не скудна», что много скота, хлебов, сена. Довольно популярными были «земляные яблоки», которые привезли переселившиеся сюда французы.

Кроме Яковлева, Пруссию описывали также прусские губернаторы, Николая Андреевича Корфа¹⁰ и Петра Ивановича Панина¹¹. Стоят внимания воспоминания Андрея Тимофеевича Болотова, которые касаются того периода.

Андрей Тимофеевич Болотов числился за Архангелогородским полком и вместе с ним попал в январе 1758 г. в Кенигсберг. Его отделению была поручена караульная служба, но сам Болотов вскоре получил другие задачи: стал работать переводчиком в канцелярии прусского губернатора и получил разрешение на посещение лекций в университете¹². Этот образованный человек воспользовался четырьмя годами службы в Кенигсбер-

⁷ Прусская армия покинула Кенигсберг 14 I 1758 г., а 22 I вошли туда россияне; J. Serczyk, *Albertyna. Uniwersytet w Królewcu (1544–1945)*, Olsztyn 1999, s. 82.

⁸ J. Jasiński, *Historia Królewca, Szkice z XIII–XX wieku*, Olsztyn 1994, s. 119.

⁹ П. Яковлев, *Сведения о Прусской провинции*, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Дневники...*, с. 38–40.

¹⁰ Н. Корф, *Реляция императрице Елизавете Петровне 14 октября 1760 г.*, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Дневники...*, с. 40–41.

¹¹ П. Панин, *Известия*, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Дневники...*, с. 42–48.

¹² Болотов Андрей Тимофеевич, *Энциклопедический Словарь* Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона (далее: *ЭСБЕ*), т. IV, с. 318–319.

ге для расширения своих знаний и знакомства с прусской культурой. Это знакомство оказалось довольно интересным.

Первые впечатления Болотова при въезде в Восточную Пруссию явились общими для большинства русских. «*Повсюду господствовал порядок и везде видна была чистота и опрятность*»¹³. Болотову очень понравилась застройка городков – небольшие, уютные домики и красивые площадки.

Россияне прежде всего хотели узнать, как выглядит жизнь в совсем другой стране, в других городах. Болотов вспоминает: «*как с нетерпеливостью хотелось нам удовлетворить давнишнее свое желание, и весь сей славный для нас город выходить и осмотреть*»¹⁴. Русским интеллигентам тех времен Кенигсберг являлся одним из самых крупных и интересных городов Европы. Они восхищались пышными улицами, прежде всего Кнайпхофском и старинным замком. Конечно, солдатам хотелось прежде всего посещать известные трактиры и бильярды и встречаться с женщинами, зарабатывающими, продавая свою честь.

Надо добавить, что кенигсберцы, естественно, смотрели на русских, как на врагов, оккупировавших их край. В таких условиях не удивляет, что Болотов встречался с холодным приемом. Жители Кенигсберга были тактичными и мягкими, но избегали всяких дружеских жестов и вообще излишних контактов с русскими¹⁵.

В первую очередь Болотов отмечал большое количество жителей. Интересно, что этот в каком-то смысле провинциальный (по сравнению с западной Европой) город в глазах Болотова был великим и многолюдным. Подчеркивался также его открытый характер. Все это делало Кенигсберг «*открытым купецким и торговым городом*»¹⁶. Далее в воспоминаниях Болотова следует подробное описание трех частей города. Интересными являются замечания о публичной библиотеке. Там находилось несколько тысяч книг, в том числе старинных, которыми в определенные дни могли пользоваться все жители города. В библиотеке ставили столы и скамейки, чтобы всем желающим было удобно заниматься. Книги были прибиты к полкам «*на длинных железных цепочках*». Самое главное, что возможностью чтения пользовались многие ученые и студенты. Все жители, кро-

¹³ А. Болотов, *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описание самим им для своих потомков*, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Дневники...*, с. 49.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem, с. 50.

¹⁶ Ibidem.

ме «самой подлости», могли тоже свободно отдыхать в различных садах¹⁷. Только «строго наблюдалось», чтобы никто не мешал шумом и криком – царствовала благопристойность и тишина.

Невозможно представить себе торгового города без рынка. Здесь русские тоже замечали немецкие особенности. Торги производились еженедельно, по субботам. Тогда площадь заполняли многие маленькие лавки, на которых продавали мясо и другие продукты. Но самое удивительное для русских – что к воскресенью лавки разбирали, а площадь убирала так, что не оставалось «ни одной соринки». Болотов замечает: «Сие обыкновенно показалось нам сначала очень странно, но после не могли мы тем довольно налюбоваться»¹⁸.

До того времени главной целью путешествий в Кенигсберг являлся, как мы уже сказали, университет. Болотов заметил только, что старинное здание университета не вызывает никакого интереса и что аудитория является совсем неважной. Добавил тоже, что по престижу и уровню обучения он «не из последних» и в нем учится много студентов. В середине XVIII в. Альбертина не была уже такой «необходимой» для русских студентов, уезжавших за границу. Они ездили в западную Европу и посещали намного более известные учебные заведения. С другой стороны, в России в то время существовал только один университет, поэтому власти хотели использовать Альбертину в ново присоединенной провинции¹⁹.

Кенигсберг являлся еще привлекательным большим городом, но в начале XVIII века медленно терял престиж в глазах русских. Болотов замечает, например, что королевский дворец был на самом деле каменным домиком, «как у нас в Москве несколько сот найти можно». Жители удивляли своей скромностью и бережливостью. Редко можно было увидеть богатые кареты и экипажи, все ходили больше пешком²⁰. Дома были очень тесными, но ухоженными, улицы – вымощены камнем и освещены фонарями.

Читая воспоминания Болотова, нельзя забывать, что он писал их несколько лет спустя. В Кенигсберге провел он счастливые четыре года и любил этот город. Учитывая это, мы не ожидаем объективизма при описании им столицы Восточной Пруссии. Однако можно все-таки заметить и подчеркнуть некоторые общие для русских взгляды на Кенигсберг. Во-

¹⁷ Ibidem, с. 59.

¹⁸ Ibidem, с. 53.

¹⁹ J. Jasiński, op. cit., s. 122.

²⁰ А. Болотов, op. cit., с. 55–56.

первых, приезжая в Пруссию, они ожидали неплодородных земель, недостатка дров и сена. Сам Кенигсберг, в их представлении, должен был быть великим европейским городом, знаменитым научным центром. Оказывалось, что немцы немного по-другому понимали величину – важно было не строение больших домов и зданий, а общий порядок. Места, как библиотека и парки, были открыты для всех жителей. Университет не казался русским уже таким великолепным, как еще пятьдесят лет назад, но все-таки можно было заметить его приличие. При этом нельзя забывать, что это были военные, беспокойные времена.

Интересными для нашей работы являются заметки Николая Михайловича Карамзина, который посетил Восточную Пруссию в конце XVIII века. Автор известных «Писем русского путешественника» уделил в них немного места своим впечатлениям от пребывания в столице Восточной Пруссии²¹. Насколько тексты, которые мы рассматривали раньше, имели либо официальный, либо почти что личный характер, так «Письма» являются масштабным произведением и можем их рассматривать как фактор, серьезно повлиявший на общественное восприятие Кенигсберга.

По пути в западную Европу Карамзин приехал в Восточную Пруссию. Ему показалось странным, что никто его не осматривал на границе, которую пересек он без каких-либо проблем. Путешественники, которые въезжали в Пруссию через Мемель, могли выбрать три пути в Кенигсберг. При хорошей погоде самой короткой и дешевой являлась водная дорога. Если кто-то предпочитал безопасность, мог ехать или вдоль «гафа» или через Тильзит. Карамзину предложили более длинный, второй вариант, и он согласился. Благодаря тому он смог рассмотреть ландшафт местного края.

Первые впечатления в Кенигсберге – это некое удивление его величиной и сравнительно небольшим числом жителей. Все-таки Карамзин называет его «одним из больших городов в Европе». Он сразу заметил обилие военных – везде в глаза попадались мундиры²². Конечно, писатель осмотрел старинные здания, в первую очередь, кафедральную церковь и замок, но они не произвели на него большого впечатления. «Главным пунктом» пребывания в Кенигсберге была встреча с Иммануилом Кантом.

²¹ Н. Карамзин, *Сочинения в двух томах*, т. I, Ленинград 1984, с. 65–77.

²² Ibidem, с. 72.

Карамзин не имел с собой никаких писем Канту, ни тем более приглашения, но решил просто зайти и поговорить²³. Известный философ принял его благосклонно и предложил побеседовать. Он удивил Карамзина своими широкими знаниями по теме истории, географии. Потом пошли рассуждения о природе человека и сложные философские вопросы. Кант записал своему гостю заглавия произведений, которых тот не читал – «Kritik der praktische Vernunft» и «Metaphysik der Sitten»²⁴ (последнее написано в 1797 г; речь шла, вероятно, о произведении «Grundlegung zur Metaphysik der Sitten», написанным раньше).

В начале XIX века период войн с Наполеоном стала стимулом для «массового посещения» Восточной Пруссии. Воспоминания о том времени характеризуются часто солдатской простотой. Авторы, что не удивляет, сосредоточены преимущественно на военных действиях, и у них нет интереса к подробному исследованию быта местных жителей.

К счастью, послевоенные условия быстро превратились в нормальную жизнь, а в Кенигсберг стали снова приезжать представители российской культуры. Среди них был писатель и член Российской Академии наук Павел Иванович Сумарков²⁵.

В 1819 г. он приехал в Кенигсберг. Во-первых, его внимание привлекла скудность местных земель, которые он сравнил с Палестиной. Но более интересными являются его рассуждения на тему характера прусского народа. Он привел ломоносовскую теорию о едином происхождении жителей Пруссии и России, но подчеркивал различия между ними²⁶. Портрет пруссаков — это, в какой-то степени, портрет самих русских.

В глазах Сумаркова местные жители были медлительными и точными. Прежде чем отправиться на пашню, они обязательно должны были порядочно позавтракать картофелем²⁷. Почти все курили табак, но не были преданы пьянству. В семейной жизни это были порядочные и честные люди. Они казались мрачными, отвечали кратко и грубо.

Мужики в Пруссии были чаще всего белокурые. Женщины не очень понравились русскому писателю, который заметил, что «женский пол

²³ Ibidem, с. 73.

²⁴ Ibidem, с. 75.

²⁵ Сумарков Павел Иванович, ЭСБЭ, т. XXXII, с. 59.

²⁶ П. Сумарков, Прогулка за границу, [в:] Россияне в Восточной Пруссии. Дневники..., с. 100–101.

²⁷ Ibidem, с. 101.

*не отличается правильными чертами»*²⁸. Далее он описывал подробно одежду и жилища местных жителей, а также черты их сельскохозяйственной деятельности (преимущество выращивание картофеля и капусты).

Следующую черту прусского менталитета показывало множество штрафов и всякого рода повелений. Так, например, нельзя было объезжать определенные дороги (штраф 2 талера). По пути были размещены десятки разных повелений.

Сам Кенигсберг, названный Прусской Москвой, был далек от бывшей красоты: каналы, поросшие травой, в городе беспорядок. Но все-таки Кенигсберг начала XIX века остался людным и живым городом, где в глаза бросалось постоянное движение, особенно во время ярмарок.

Многих русских путешественников удивлял почтовый прусский транспорт. Известный государственный деятель, Федор Васильевич Ростопчин²⁹, получивший славу после Отечественной войны, не оставил сомнений: *«никогда немец, почтовый извозчик, будь он молод до безумия, пьян или влюблен, не проедет в час более одной мили»*³⁰ К тому же почтарь, которого лично встретил Ростопчин, не только отыскивал, где по пути обедают, но и танцевал со всеми желающими повальсировать женщинами.

Так выглядел Кенигсберг в глазах путешественника первой половины XIX века. Но даже довольно внимательный наблюдатель, переезжавший через город по пути не мог узнать его в такой степени, как живший там много лет профессор Карл Максимович Бэр.

Карл Бэр родился в семье прибалтийских немцев. После завершения учебы он принял предложение занять должность прозектора в Кенигсберге. Он никогда не принял предлагаемого ему прусского гражданства. С 1817 до 1834 г. работал в Кенигсберге, потом переехал в Петербург. В связи с родом своей деятельности в «Автобиографии» он описывал прежде всего научную среду Кенигсберга³¹.

Еще до смерти Канта Альбертина теряла постепенно значение. Там работало немного кафедр, университетская библиотека являлась довольно бедной³². Отсутствовали кабинеты для преподавания новейших естественных наук, астрономическая обсерватория и анатомический театр.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ростопчин Федор Васильевич, ЭСБЭ, т. XXVII, с. 140–141.

³⁰ Ф. Ростопчин, *Записки*, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Дневники...*, с. 121.

³¹ Бэр Карл Максимович, ЭСБЭ, т. V, с. 277–278.

³² К. Бэр, *Автобиография*, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Дневники...*, с. 107.

Политика правительства поменялась лишь после потери Берлина и временного пребывания органов власти в Кенигсберге³³.

Бэру нравились некоторые обычаи местных ученых. Например, обе-ды, на которые приглашали много знакомых из университетской среды. Собрания такие были довольно приятными, профессора не закрывались в своем кружке.

Кенигсберг был городом средней величины, что делало его приятным. По словам Бэра, университет не имел «ни преимуществ, ни недостатков столичных университетов». В городе был театр и интересные здания. Кроме того, Кенигсберг являлся довольно дешевым городом. Бэр занялся организацией зоологического музея, что было сложной задачей – министерство не спешило с отплатлением денег³⁴.

Бэру не нравился интерес кенигсбергцев к политике. Правда, в первые годы после наполеонских войн пруссаки не увлекались политикой, но потом общество разделилось на «прогрессистов и консерваторов»³⁵. Вскоре после этого Бэр, получивший приглашение в Российскую Академию наук, покинул Кенигсберг и уехал в Петербург.

Так выглядела столица Восточной Пруссии в глазах россиян в первой половине XIX в. После военных времен пришли годы покоя, и русские снова ездили на Запад. Но в это время Кенигсберг не казался уже великим городом, а городком средней величины. Университет не притягивал русских студентов.

XIX век являлся периодом интенсификации политической жизни в России. Те, кто уезжали в то время, были часто вынуждены покинуть родину или отправлялись заниматься революционной деятельностью. В их глазах Кенигсберг, как и вся Восточная Пруссия, совсем другим местом, чем предыдущим путешественникам.

В 1847 г. Александр Иванович Герцен получил разрешение на поездку за границу. Уехал со своей семьей и уже никогда не вернулся на родину.

Часть «Писем из Франции и Италии», посвященную поездке через Пруссию, автор начинал с общей рефлексии на тему путешествия в его время. Герцен утверждал, что все забыли, как выглядит Европа и тяжело снова ее узнать. Это было связано с популярностью и характером желез-

³³ 9–10 XII 1806 г. в Кенигсберг приехал убежавший из Берлина Фридерик Вильгельм III с супругой. Они уехали дальше в Новый Год 1807 г.; J. Jasiński, op. cit., s. 159.

³⁴ К. Бэр, op. cit., с. 110.

³⁵ Ibidem, с. 113.

ной дороги. Европа превратилась в несколько точек с буфетами, так что можно было переехать весь континент и ничего не увидеть.

Сам автор остановился в Кенигсберге на три дня для отдыха. По его словам, хватало одного часа езды, чтобы почувствовать, что человек в совсем другой стране, в другом мире. Герцен сравнивал ландшафт с театральными декорациями. В немецкой чистоте и порядочности автор видит признаки традиционной цивилизации, благодаря которой человек любит белые и светлые комнаты.

Для нас интересно, как запомнил Герцен Кенигсберг. Надо подчеркнуть, что его впечатления говорят больше о нем и о России, чем о столице Восточной Пруссии. Когда он впервые пошел на прогулку, это был теплый зимний день. *«Я вдруг помолодел, точно несколько лет с костей долой; мне показалось, что все встречные смотрят весело и прямо в глаза (...)*»³⁶ писал он. Не удивляет, что после его переживаний в России, он мог наконец почувствовать себя вполне свободным, мог свободно дышать. И именно Восточная Пруссия стала для многих местом, где, часто впервые в жизни, они могли уйти от государственного гнета и увидеть «свободную страну». Стоит заметить, что даже после посещения других стран, Герцен особо тепло вспоминал Кенигсберг. Это подчеркивает особое место, которое занимал этот город в его (и не только его) суждениях о Европе. Вот что писал сам Герцен: *«Кенигсберг был первый город, в котором я отдохнул от двенадцатилетних преследований, там я почувствовал, наконец, что я на воле, что меня не отошлют в Вятку, если я скажу, что полицейские чиновники имеют также слабости, как и все смертные, и не отдадут в солдаты за то, что я не считаю главной обязательностью всякого честного человека делать доносы на друзей»*³⁷. Похожие переживания описывала подруга Герцена, которая вместе с ним и его семьей покинула Россию — Мария Каспаровна Рейхель³⁸. Она вспоминает о чувстве свободы и радости, которое овладело ими в Кенигсберге³⁹.

Герцен покинул родину и оказался в эмиграции. Но некоторые «опозиционеры» приезжали в Восточную Пруссию по пути на Запад, а потом возвращались, часто незаконно. Их впечатления очень интересные

³⁶ А. Герцен, *Письма из Франции*, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Дневники...*, с. 137.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Рейхель Мария Каспаровна, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Биографический словарь*, под редакцией Ю. Костяшова, Калининград 2001, с. 184.

³⁹ М. Рейхель, *Воспоминания*, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Дневники...*, с. 139.

потому, что, в силу своей незаконной деятельности, они выбирали другие, незнакомые обычным путешественникам маршруты.

Примером такого человека был Николай Александрович Морозов, народоволец, участник покушения на Александра II. Он в 1874 г. отправился в Швейцарию⁴⁰. В своих воспоминаниях он довольно подробно описал, как можно было незаконно пересечь границу⁴¹.

Морозов оказался в Пруссии, когда только перепрыгнул граничный ручей. Ему сказали, что когда он будет уже на другом берегу, может русским солдатом «показать рукой нос». Поэтому странным показалось ему, что хватает одного прыжка, чтоб никто не хотел его «бросить в темницу»⁴². Это чувство свободы является общим для уезжающих русских оппозиционеров. Но Морозов возвращался из Швейцарии и получил возможность сравнить Россию с тем, что увидел на Западе. Его чувства выражены ярко: «Казалось, мы прибыли в военный лагерь»⁴³.

В 1878 г. нелегальную поездку в Женеву совершила Ольга Спиридоновна Любатович, член организаций Земля и Воля и Народная воля⁴⁴. В ее воспоминаниях, кроме интересных деталей, можно найти и рефлексии на тему немецкого менталитета.

Ольге, которая впервые оказалась за границей, пришлось спать в пограничной немецкой деревенской гостинице⁴⁵. Предыдущую ночь она провела в корчме контрабандистов еще в России. Какую поразительную разницу она увидела между теми двумя номерами! Это ярко показывает, что даже если Кенигсбер в то время уже не восхищал русских приезжающих, то простых людей все время поражала немецкая чистота и аккуратность, которая была видна даже (а может, прежде всего?) в маленькой деревенской гостинице.

Параллельно с поездками всякого рода революционеров в половине XIX в. все время шла волна «обыкновенных» русских путешественников.

⁴⁰ Морозов Николай Александрович, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Биографический словарь...*, с. 146.

⁴¹ Н. Морозов, *Повести моей жизни*, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Дневники...*, с. 157–158.

⁴² Ibidem, с. 158.

⁴³ Ibidem, с. 159.

⁴⁴ Любатович Ольга Спиридоновна, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Биографический словарь...*, с. 133.

⁴⁵ О. Любатович, *Далекое и недавнее*, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Дневники...*, с. 162.

Среди их можно назвать такие фамилии как Александр Николаевич Островский, Федор Николаевич Достоевский, Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, Василий Иванович Немирович-Данченко.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин отправился за границу в 1880 г. Свои впечатления он собрал в очерке «За рубежом». Там нашлись тоже замечания на тему Восточной Пруссии⁴⁶.

Салтыков-Щедрин с удивлением заметил, как изменились его попутчики сразу после въезда в прусские земли. Все стали вести себя свободнее, откровенно. Но для писателя более интересной была природа. Это очередной раз показывает, какие стереотипы существовали в России по отношению к Пруссии. Автор ожидал небольших пространств, поросших не очень буйными хлебами, а увидел большие красивые поля. Но его не удивляло, что на прусском поморье все растет лучше и буйнее — здесь за всем тщательно наблюдали, а не полагались лишь на чернозем, как бывало в России⁴⁷. Здесь земледельческая деятельность требовала больше работы, но все-таки и лучше получалась. Автор не имел в этой области сомнений: «*Никогда в чембарских палестинах я не видал таких «буйных» хлебов, какие мне удалось видеть нынешним летом между Вержболовом и Кенигсбергом*»⁴⁸ Похоже получалось с лугами. Казалось, что те самые условия, но в Пруссии луга красивее.

По словам автора, русские считали в то время, что хватает пересечь границу, чтобы увидеть равнинное, лишенное леса пространство. «*Кабы не мы, немцу протопиться бы нечем*» — эта фраза пользуется у нас почти такую же популярностью, как и та, что без нашего хлеба немцу пришлось бы с голоду подохнуть»⁴⁹. На самом деле получалось наоборот.

Салтыков-Щедрин хорошо высказывался тоже на тему крестьянских жилищ, которые являлись намного красивее и комфортнее, чем в России.

Все вышесказанное показывает, что русские тех времен думали о Пруссии. Очень интересным является сопоставление стереотипов и настоящей ситуации. Замечательно, что русские считали совсем бедной и скудной одну из лучше организованных стран на карте Европы. Правда, подобранные нами примеры представляют чаще всего точку зрения лю-

⁴⁶ М. Салтыков-Щедрин, *За рубежом*, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Дневники...*, с. 163.

⁴⁷ Ibidem, с. 164.

⁴⁸ Ibidem, с. 165.

⁴⁹ Ibidem, с. 166.

дей, полагающихся на свои собственные впечатления, а не на общепринятые стереотипы.

Отличающуюся картину Кенигсберга создал в своих очерках Василий Иванович Немирович-Данченко, который посетил этот город в конце XIX века. Его рассуждения довольно подробные и объективные. Самое главное, что он смотрел на Кенигсберг не «из востока», как большинство приезжающих сюда по пути русских, а «из запада» – с перспективы других западных городов.

«Кто попадет в Кенигсберг не из России, а из Германии, тому же он покажется совсем не немецким городом» — заметил писатель⁵⁰. По поводу близости границы он стал похож более на русские, литовские, польские города. Имеется в виду мелкие домики, грязь на улицах, неопрятность жителей, присутствие многих славян и евреев, дорогие и не очень комфортные гостиницы, в общем — отсутствие всякого порядка. Кенигсберг нельзя сравнивать с другими немецкими городами, а уж без никаких сомнений нельзя называть его вторым после Берлина. Улицы здесь были узкие, грязные. Люди не заботились о старинных зданиях.

Купцы овладели здесь знаниями как фабриковать токайское, шампанское и индийское вино. В этой профессии они делали конкуренцию Гамбургу. Из-за близости России, в Кенигсберг приезжало много коммерсантов из Москвы, Ельца, Саратова. Немирович-Данченко удивлялся их хорошим, европейским поведением. Но при этом заметил, что на Западе уже научились, что «русскому — ни его слову, ни его подписи — верить нельзя»⁵¹. Правда, русские купцы со всеми своими чертами еще сносные, чего нельзя сказать об «обрусевших немцах», которые приехали с востока и принесли «восточную цивилизацию».

Скверным был также уровень культурной жизни в Кенигсберге. Все потому, что прусские интеллигенты не были способны тратить деньги «на культуру». Поэтому они были очень довольны «пятипудовыми трелями доморощенных померанских соловьев»⁵².

Автора сместило сравнение Кенигсберга с Венецией. Все сходство заключалось в том, что здесь тоже были каналы. Но вместо прекрасных палат у их берегов стояли некрасивые здания «в той же архитектуре

⁵⁰ В. Немирович-Данченко, *По Германии и Голландии: Путевые очерки и впечатления*, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Дневники...*, с. 173.

⁵¹ Ibidem, с. 174.

⁵² Ibidem, с. 176.

гоголевского Собакевича»⁵³. Грязные каналы были завалены грязными судами. Немирович-Данченко удивлялся, как вообще можно этот нечистый, провинциальный городок сравнивать с прекрасными городами Запада.

Этот, может быть жесткий, но все-таки объективный взгляд опытного человека показывает настоящую ситуацию Кенигсберга в конце XIX века. Его впечатления можно отнести к впечатлениям русских, которые видели уже настоящую Европу и которые могли сравнить ее с картиной Кенигсберга. Но надо напомнить, что большинство уезжавших россиян не овладело такими знаниями и им, как правило, столица Восточной Пруссии казалась намного более интересной, чем она была на самом деле.

Ситуацию с конца XIX и начала XX веков хорошо подытожил историк и путешественник, Григорий Александрович Воробьев. В своем произведении «По ту сторону прусской границы» он с грустью заметил, что у россиян нету интереса к ближайшей загранице⁵⁴. Тем самым земли, которые, казалось бы, хорошо знакомы русским, являлись таинственными. Если спросить путешественника за границу, бывал ли он в Кенигсберге, он отвечал: «где этот самый Кенигсбер находится?»⁵⁵

Падение интереса к ближайшей загранице в начале XX века было, между прочим, эффектом роста сознания россиян. Политическая ситуация скоро прекратила возможность свободных поездок за границу. Сначала война, а потом революция, надолго закрыли пределы России и «отрезали» россиян от контактов с Западом. Конечно, нельзя говорить о полной изоляции, но эпоха Советского Союза требует отдельного исследования.

В нашей статье мы хотели эскизно показать образ Кенигсберга, как ближайшей заграницы, в российской культуре восемнадцатого-девятнадцатого веков. Мы подобрали только часть из опубликованных воспоминаний россиян, посещающих Восточную Пруссию в данный период, но, несмотря на избирательность источников, мы пытались показать общую характеристику восприятия Кенигсберга. Этот вопрос заслуживает подробного историко-литературного исследования, так как оно может расширить наши знания о российской культуре восемнадцатого и девятнадцатого веков.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Г. Воробьев, *По ту сторону прусской границы*, [в:] *Россияне в Восточной Пруссии. Дневники...*, с. 197.

⁵⁵ Ibidem.

**KÖNIGSBERG IN THE RUSSIAN CULTURE.
THE WRITINGS OF SELECTED AUTHORS
(IN THE EIGHTEENTH AND NINETEENTH CENTURY)**

Summary

Only recently Kaliningrad's history before 1945 gained more attention among the Russian historians. Mentioning the "Prussian" roots of these sites was not welcome beforehand. As a result, nowadays, Russian researchers publish more books, articles and sources on the relations of Königsberg, East Prussia and Russia.

The aim of the article is to present the image of Königsberg, as existed in the Russian culture for over two hundred years (in the eighteenth and nineteenth centuries). The study is based on the published fragments of memoirs and official reports by Russian citizens and officials. The author of the article was able to capture the diversity of sources depending on the mentality of the authors of memoirs, as well as the current political situation.

**OBRAZ KÖNIGSBERGA W KULTURZE ROSYJSKIEJ
NA PODSTAWIE RELACJI WYBRANYCH
AUTORÓW (W XVIII–XIX WIEKU)**

Streszczenie

Stosunkowo niedawno historycy rosyjscy zajęli się badaniem przeszłości ziem Obwodu Kaliningradzkiego przed 1945 r. Nawiązywanie do „pruskich” dziejów tych stron nie było wcześniej mile widziane. Badacze rosyjscy publikują coraz więcej książek, artykułów i wydawnictw źródłowych dotyczących Königsberga i Prus Wschodnich. Dzięki tym staraniom zostało naświetlonych wiele zagadnień dotyczących związków Königsberga z Rosją.

Celem mojej pracy było opisanie obrazu Königsberga, jaki tworzył się w kulturze rosyjskiej na przestrzeni dwustu lat (w XVIII i XIX wieku). W swych badaniach oparłem się przede wszystkim na opublikowanych fragmentach wspomnień i urzędowych raportów napisanych przez obywateli rosyjskich przebywających w różnym czasie w Prusach Wschodnich. Dzięki różnorodności źródeł mogłem uchwycić zmiany tego wizerunku uzależnione od mentalności samych autorów, jak i sytuacji politycznej.

Temat ten wymaga oczywiście o wiele bardziej szczegółowych studiów, które pozwoliłyby naświetlić go za pomocą większej liczby źródeł.